

Дом Трубецких. Покровка д. 22. Пожар Москвы

Вечером 14 сентября, т.е. накануне вступления Наполеона в Кремль, пожар вспыхнул в нескольких местах на Солянке, около воспитательного дома, в окрестностях Кузнецкого моста и во многих домах по сю сторону Яузы. С наступлением дня пожар страшно усилился. В то время как старались затушить огонь в первой из этих частей, Неаполитанский король быстрыми и энергичными мерами совершенно погасил его около Кузнецкого моста, — принц жил там очень близко в доме Баташова. Едва успели потушить здесь, как огонь снова повторился на Покровке, в доме князя Трубецкого, на Арбатской улице по всей линии, ведущей к Смоленской заставе. Французы сперва не обращали на это внимания. Они приписывали пожар случайностям, которых нельзя предупредить в городе, покинутом жителями. Между тем пожары усиливались и распространялись с ужасающею быстротою. Стали подозревать, что причина стольких несчастий — дело злоумышленников. Как только внимание было обращено на это, ужасная истина не замедлила обнаружиться. Поджигателей хватили на месте преступления. Многие были тут же убиты, другие предавались военному суду. Разумеется, энергичная деятельность французских войск в соединении с усилиями оставшихся благонамеренных граждан была бы достаточно, чтобы остановить распространение бедствия. Но, как мы уже видели, главная часть войск стояла биваком у разных застав. Что же могли сделать несколько тысяч солдат, рассеянных в громадном городе и, надобно прибавить, занятых еще обереганием и защитою собственных жилищ? Сделавшись хозяевами удобного дома или великолепного дворца, они все вообще думали, что купили эту минуту отдыха слишком дорогою ценою, для того чтобы идти на новые опасности.

«Пусть себе другие возьмется, — говорили они, — это нас не касается»... Пользуясь этим роковым равнодушием, поджигатели удвоили смелость и деятельность в ночь с 15-го на 16-е число сентября. Пожар распространился с невероятной быстротой. Утром в среду 16 сентября само небо, казалось, приняло участие в этом ужасном разрушении. Около девяти часов, когда поднялся порывистый равноденственный ветер, большой пожар вспыхнул с яростью на всех пунктах одновременно. Мы говорим большой пожар, потому что пожар Москвы может быть разделен на три периода; сначала горели предместья, затем город; наконец, Кремль, когда, месяц спустя, последние французы покинули столицу. Через час огонь появился в ста различных местах. «С крыши нашего дома, где мы сторожили день и ночь, — рассказывала нам одна из жертв этого великого бедствия, — мы увидели, что пожар начался внезапно позади комиссариата и расстилался по ветру, подобно свирепому потоку, пожирая и преодолевая на своем пути все препятствия. Скоро вся часть Земляного города, находящаяся по сю сторону Москвы-реки, представляла огненное море, и где потушили в предшествующие дни, пожар начался с новой силою.

Китай-город подвергся также ужасному опустошению. Там был базар. Сила пламени, поддерживаемая множеством товаров, тесное пространство между лавками и ярость бури делали всякую помощь бесполезною и потери невознаграждаемыми. Другие кварталы города также не избежали бедствия. Пречистенка, Арбат, Тверская и оттуда вдоль вала Красных ворот и Воронцова поля, до Яузы было все зажжено добровольно. Было два часа пополудни. Великий Боже, какое зрелище представлялось нашим глазам! Небо исчезло за красноватым сводом, прорываемым во всех направлениях искрящимися головнями. Над нашими головами, под ногами, всюду крутом — ужасно ревущее пламя. Сила ветра, разреженность воздуха, происходящие от жара, производили ужасный вихрь. Нас чуть не снесло с террасы: надо было скорей сойти и позаботиться о бегстве». В эту-то минуту пожар приближался к Кремлю и грозил его безопасности. В полдень огонь показался в дворцовых конюшнях и в башне, прилегающей к арсеналу. Несколько искр упало на двор арсенала, в паклю, которую употребляли русские артиллеристы, и на ящики французской артиллерии. Опасность была очевидна. Бросились предупредить императора, который явился на место происшествия. В ту минуту, когда он находился выше большой лестницы, ему представили одного поджигателя, схваченного под окнами на месте преступления. Наполеон обратился с вопросом к этому человеку. «Мы исполняем священный долг», — отвечал русский фанатик. К опустошениям пожара, которому способствовали сила и порывы ветра, вскоре присоединилась адская тактика. Русские добирались до самого дворца императора: пожар, как огромный огненный пояс, мало-помалу охватывал Кремль со всех сторон. Попы, будочники, агенты полиции, наконец, несколько дворян, надев парики, накладные бороды и мужицкие кафтаны, руководили шайками в их

разрушительных действиях. Смешиваясь с народом, благодаря своим костюмам, они сначала скрывались от мщения французов, но скоро, узнанные по походке и принужденным манерам, они и их гнусные подчиненные погибли почти все от рук наших раздраженных солдат. Последние кидались в огонь, резали, вешали без сострадания, и долго еще после пожара на изящных фонарях, украшающих Тверской бульвар, висели обезображенные трупы поджигателей. Император Наполеон, стоя у одного из окон Кремля, следил печальным взором за распространением пожара. Не опасность обращала на себя внимание, но гибель города, который от обещал как награду своей доблестной армии. Коммуникационные пути легко могли быть прерваны, положение с каждой минутой становилось опаснее, но все это бледнело перед сокрушительной мыслью, занимавшею императора. Оторванный от своего грустного созерцания просьбами окружающих, Наполеон ощутил, наконец, опасность, ему угрожающую; но величие духа, возрастая соразмерно опасности, не позволяло отступить перед нею. Все настояния генералов разбивались о настойчивость императора оставаться в Кремле. Вдруг являются офицеры с известием, что они тщетно старались проложить себе путь через горящий город. При мысли о том, что сообщение с армией может быть прервано, Наполеон, наконец, решился. Но чего ему стоил этот первый шаг отступления! Тем не менее, благодаря присутствию духа, которое никогда не покидало его в опасностях, он приказал взять одного из агентов московской полиции, бродивших в Кремле. Этот человек должен был знать путь. Действительно, оставался еще единственный выход, и Наполеон вовремя им воспользовался и перенес свою главную квартиру в Петровский дворец, находящийся на расстоянии полулье от Тверской.

Между тем, выгнанные силою пожара из своих подземных жилищ, более двадцати тысяч жителей, существования которых и не подозревали, начали показываться на улицах. Они выражали полное безучастие при виде своих горящих домов. Это был какой-то восточный фанатизм. Одни довольствовались тем, что выносили святые иконы и, набожно ставя их перед дверьми жилищ, казалось, ожидали помощи Всемогущего; другие, поклонившись в землю в знак смирения, удалялись, говоря: «Так Богу угодно». Если вы спрашивали у некоторых из них, почему они не принимают никаких мер против пожара, то получали в ответ. «Мы спасли бы себя, но французы нас убьют, потому что ведь это они нас жгут». Прокламации Ростопчина сделали свое дело. Цель его была достигнута, французы в глазах русского народа сделались виновниками этой ужасной катастрофы.

До общего пожара Москва явно шадилась солдатами. Несмотря на мучения голода и нищету, они только тайком пускались на мародерство: грабеж был безусловно запрещен. Приказы Наполеона в этом случае были ясны и строги, а им привыкли повиноваться. Притом же эти меры были в интересе самой армии и всеми разделялись. Не было французского солдата, который бы инстинктивно не понимал, что его спасение связано с существованием города. Но когда армия, собственный интерес которой требовал умеренности, увидела, что обманулась в своих надеждах; когда это громадное скопище людей шестнадцати различных

наций, которое едва сдерживала воля императора, узнало, что разорение Москвы было делом русских; тогда ярость, мщение, страсть к наслаждениям, столь долгое время запрещенным, прорвались наружу. Уверенный в безнаказанности, солдат хотел в один день вознаградить себя за все лишения, перенесенные им, и обеспечить себя от тех, которые еще предстояли. Беспорядок дошел до крайности. К сценам разрушения и смерти, которые представлял пожар, прибавился еще самый ужасный грабеж. Жажда корысти охватила всех: французы, немцы, итальянцы и даже русские ломали двери, разбивали погреба, оспаривали добычу у пламени. Сахар, чай, меха, дорогие материи и множество других предметов роскоши валялись среди улицы: грабители бросали их для других вещей, более ценных. Окрестные крестьяне, сбежавшиеся при первом известии о грабеже, также приняли деятельное участие в нем. Возвращаясь домой, они были нагружены всем, что только могли стащить. Смятение, беспорядок все увеличивались. Это была какая-то ужасная сумятица. Проклятия и мольбы терялись в реве ветра и пламени, в треске зданий, во взрыве водочных складов. Таково было зрелище, которое представляла Москва в течение целых пяти дней. Со времени вступления Наполеона в древнюю столицу царей, русские воины, которых удерживали в Москве тяжелые раны, находились в самом плачевном положении. И можно ли, откровенно говоря, ставить это в вину нашим солдатам? Удрученная усталостью и нищетой французская армия, прежде всего, весьма естественно, позаботилась о своем пропитании и безопасности, а не о раненых неприятелях. Последние, оставленные на произвол судьбы, пали жертвами голода и отсутствия медицинских пособий. Но еще более ужасное мучение выпало на долю многих из этих несчастных. Среди столь страшных сцен, которые представляло разрушение Москвы, пожар в русских госпиталях был самою ужасною. Как только огонь охватил здания, где были скучены раненые, послышались раздирающие душу крики, восходящие как из громадной печи. Вскоре затем несчастные показались в окнах и на лестницах, напрасно силясь освободить свое полуобгоревшее тело от дыма, они еще шевелились, показывая отчаяние, до тех пор, пока, наконец, охваченные пламенем, несчастные умирали в страшных мучениях. Более десяти тысяч погибло в этом ужасном костре. Не подвергаясь таким ужасным крайностям, мирные граждане, жившие в Москве, также не избежали жестокой участи. Некоторые из них были застигнуты пламенем среди ночи. Одни выбегали на улицу полуодетые и со слезами звали дорогих им лиц, с которыми разлучил их огонь. Другие со страшными глазами, согнувшись под тяжестью своих пожитков, искали пристанища в уединенных местах, но, предоставленные произволу солдат, большинство из них не далеко уходило со своим имуществом. Ограбив их, солдаты нередко простирали свое варварство до того, что заставляли их нести до лагеря свою добычу.

Домерг